

Владимир Светлосанов

.....

Сирены пели Одиссею:
"Изволь ушей не затыкать!"
Но Одиссей велел сильнее,
Дружней на весла налегать.

Он говорил: "Вяжите, братья,
Пусть мачта гнется и скрипит!"
И посылал в ответ проклятья
Сиренам, плачущим навзрыд.

Но силы были на исходе,
К тому же гневался Эол...
Герой поддался. Произвол
Судьбы иль нечто в этом роде.

Когда же катер погранчасти
Коснулся матери-земли,
Цирцея молча, безучастно
На все взирала издали.

И думала: "Когда б иначе
Меня ты слушал, Одиссей."
А бедному ловцу удачи
Воск выбивали из ушей.

"Уж я кричала, но охрипла.
Так знай на будущее, грек,
Страшнее Спиллы и Харибды
Одна граница, человек!

Ах, это ведь не те сирены,
Ты, ахейнин, не просек
И государственной измены
Сам на себя грозу навлек.

Улыбка милой Пенелопы
Отсрочится на десять лет
В местах лишения свободы,
И, знай, другого места нет!"

.....

Мне приснился далекий город,
Корабельная сторона,
Старый бакен, что перевернут,
Продырявлен, навек отторгнут,
От родного отвязан дна.

Покачнулась пустая лодка.
Стая чаек на берегу.
Ах, не с птичьего ли полета
Я смотрю на это и что-то
Разглядеть никак не могу.

Вот земли уголок распорот.
Бухта. Лодка. Бакен. Волна.
Я. Не этот, а тот, что молод.

Мне приснился далекий город,
Корабельная сторона.

.....

Бильярд. Четыре лампы. Желтый свет.
Зеленый потолок. Часы. Напрасно
Вы ищите того, чего здесь нет,
Здесь все невозмутимо ясно.

Вот посетители, они пьяны,
Они, бог видит, скоротали вечер.
Вот стены. Отчего они красны?
Спросите что-нибудь полегче.

А вот и тот унылый Ганимед,
Легко смирявший прихоти клиентов.
И слышится его "один момент",
Один из множества моментов.

Вот он стоит и от стола к столу
Парить не собирается как будто.
В прокуренном кафе все канет а мглу.
Часы отстают на минуту.

Бильярд. Четыре лампы. Желтый свет.
Тоска. Абсент, разбавленный тоскою.
Он вывел на холсте: "Кафе ночное"
И крупно написал: "*Vincent*".

.....

Зевс ликует, тоскует Ликург,
Душит Лаокоона удав.
Хрустальями замерз Петербург,
Серебристую влагу впитав.

Не идут по Неве корабли,
Не торопятся вверх или вниз.
Далеко девятнадцатый век,
А на башне живет Дионис.

В окруженьи хмельных бассарид
Он босыми ногами лозу
Виноградную мнет и творит
Петербурга вино и грозу.

У него Летний сад в голове,
У него шевелюра шута.
Не идут корабли по Неве
И давно не разводят моста.

Не поднять опустившихся век,
Не разбить накопившийся лед.
Далеко девятнадцатый век,
А под боком семнадцатый ~~век~~ год.

Зевс ликует, тоскует Ликург.
Серебристую влагу впитав,
Хрустальями замерз Петербург.
Душит Лаокоона удав.

.....

ПИСЬМА РИМСКОГО КРУГА

Согласно Бродскому и Марциалу вторя,
И вправду, Постум, курица не птица.
С куриными мозгамихватишь горя.
Раз выпало в империи родиться,
Живи в глухой провинции у моря.
"Как Цезарь там? Чем занят? Что в столице?"

А здесь не жизнь — разбитое корыто.
Тебе-то хорошо кружить по свету.
Озера мира для тебя открыты.
Ты о зимовке забываешь летом.
Тебе, как птице, и светло и сыто.
"Как в Ливии, мой Постум, или где там?"

Тебе сегодня Арно, завтра Темза.
Ты топчешь в бочке виноград Бильбины
И вспоминаешь, разве что, с улыбкой
Такие города, как Пермь и Пенза.
О города Урала и Сибири,
Не стоящие ломаного пенса!

Твои коллеги рассудили просто:
Не римлянин, так, стало быть, изменник.
Поэты здесь невиданного роста;
Тот негодяй, а этот неврастеник.
И даже "Смена" трогательней, Постум,
Журнала "Наш /где совесть?/ Современник.

И только "Новый мир" и "Пчеловодство",
Пыльцу на мед переводя послушно,
Не ищут семитического сходства
Синонимов? о.Кунашир — А.Кушнер.
Где мавр, доревновавшийся до скотства?
Кто "Молодую Гвардию" задушит?

Теперь, мой Постум, маленький постскриптум:
"У нас зима, все движется со скользом.
Политбюро переболело гриппом.
Последний пленум был не в нашу пользу."

Нет — "нынче ветренно", все движется со скрипом
И "волны с перехлестом", милый Постум.
Тебя уже цитируют ворюги.
Ворюга что? Ведь он не кровопийца!
От Цезаря далеко и от вьюги,
Ты можешь к ним назад не торопиться.
Теперь прощай. Я умываю руки.
"А помнишь, у наместника сестрица"...

.....